

В. В. Мароши

Новосибирский государственный педагогический университет

**«Желчевики» и диатриба:
к генеалогии героя и жанра в русской литературе**

Исследуется происхождение желчи как телесной метафоры эмоционального состояния героя и модуса сатиры в европейской и русской литературе. Желчь в художественной словесности не столько «телесный» мотив, сколько метафора эмоциональных состояний героя, нарратора и автора. Взаимообусловленность телесного и эмоционального планов героя позволяет утверждать о значимости «желчи» для речевого поведения и телесности персонажа в русской литературе начала – середины XIX в. Типологически он близок европейскому персонажу «меланхолии» и «сплина». Кроме того, в европейской и русской литературах желчь стала синекдохическим обозначением всего сатирического модуса и вошла, на правах эмоциональной тональности, в набор жанровых установок диатрибы.

Ключевые слова: сатира, жанр, диатриба, желчь, темперамент, желчевик.

Мы не претендуем на создание какой-либо всеохватной типологической схемы. Нас интересует сохранение и воспроизводство в литературе Нового времени устойчивого литературного топоса, в риторической культуре изначально связанного как с наиболее «чистым» типом сатиры – традицией наиболее последовательного отрицания наличного состояния социального и нравственного мира, – так и с самими поэтами-сатириками, «отцами» подобного дискурса. На другом этапе эволюции словесности и ее жанров эти отношения будут преобразованы в определенный ракурс повествования или станут ведущим мотивом поведения литературного архетипа героя-«обличителя». Очевидно, что литературные модусы, жанры, типы литературных героев могут быть связаны не только с ценностной картиной мира автора и героя, но и с определенным типом порождающей поэтики, с зафиксированной в текстах рефлектирующей традиции словесности телесной физиологией героя, а в конечном счете – и с психосоматической доминантой имплицитного и даже конкретного автора.

Мароши Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская 28, Новосибирск, 630126, Россия; maroshi@mail.ru)

Мы, конечно, не можем интерпретировать творчество тех авторов, о которых сохранилось минимум точных биографических сведений, на основе гипотез об их темпераментах. Но мы не вправе и игнорировать указания на психофизиологическое поведение вымышленного автора или героя, проявляющееся в его психосоматических реакциях, аффектах, болезнях, расстройствах, особенно если они связаны с его речевым поведением и тем более – с его эстетическим и эмоциональным самоопределением в мире. Итак, проследим трансформацию античных метатекстовых метафор и мотивов, изначально связанных с желчью и больной печенью в риторике сатиры, которые в русской словесности сформируют литературный архетип озлобленного героя-маргинала. Его типаж, в отличие от известного литературного памфлета А. Герцена («Лишние люди и желчевики», 1860), мы определяем через очевидную преемственность дискурсивных и психофизических установок двух разных поколений – «лишних людей» и «желчевиков».

Напомним, что одним из самых влиятельных на протяжении более двадцати столетий в медицине и психологии стало «гуморальное» учение Гиппократов о четырех жидкостях (кровь, слизь, желчь желтая и желчь черная). В зависимости от того, какая жидкость преобладает в организме человека – слизь (вырабатывается в мозгу), кровь (вырабатывается в сердце), желтая желчь (из печени), черная желчь (из селезенки), выделялись четыре темперамента, которые впоследствии назовут сангвиническим (когда преобладает кровь), флегматическим (слизь), холерическим (желтая желчь) и меланхолическим (черная желчь). Различия в соках у разных людей определяют различия в нравах, а преобладание одного из них обуславливает темперамент человека. Напомним также, что печени и селезенке в античности придавалось гораздо большее значение, чем сейчас: первая отвечала за чувственные вожделения души, но была и источником вещей снов; селезенка, «вторая печень», отвечала за раздражение и гнев. Забегая вперед, укажем, что желчь печени и «сплин» селезенки («сплин» и происходит от древнегреческого σπλήν – селезенка), желчь желтая и черная, в риторике литературы к началу XIX в. станут близкими по смыслу метафорами негативного, сатирического, раздраженного отношения автора и героя к миру.

Желчь – распространенная метатекстовая метафора в римской сатире, характеризующая эмоциональное состояние автора или рассказчика. Латинские синонимы *bilis* и *fel, fellis*, обозначающие желчь, различались, помимо грамматического рода, тем, что первое слово использовалось для называния желчи как текущей жидкости, тогда как второе – желчи внутри желчного пузыря и сам пузырь:

«*bilis*, *is* (*abl.* *ī* и *e*) *f* 1) жёлчь *b. suffusa PM* – разлитие жёлчи, желтуха; б) *pl. biles PM* чёрная и жёлтая жёлчь (*по гуморальной теории Гиппократов*); 2) жёлчное настроение, гнев, негодование, досада: *bilem habere Sen* – сердиться, быть в гневе; *bilem movere Pl* (*commovere C*) – приводить в гнев; *atra (nigra) b. C, тж. atrae bilis morbus CC* – угнетённое состояние, мрачное настроение, меланхолия» [Дворецкий, 1986, 103]

и

«*fel, fellis n* 1) жёлчный пузырь, жёлчь (*в жёлчном пузыре; bilis жёлчь как жидкость*) *C, Pall, CC, CA*; 2) жёлчность, горечь, злоба, ненависть (*corda felle sunt lita Pl*); гнев (*atrum fel V*); 3) яд (*f. vipereum O*)» [Там же, с. 321].

В латинской поэзии в метафорическом смысле злобы и гнева употребляется почти исключительно *bilis*.

Якобы вечная противоположность двух поэтов-сатириков, Горация и Ювенала, создавших два образцовых типа сатиры, была основана на представлениях о *спокойствии* и *снисходительности* Горация, которым противопоставлялись *пламенность* и *желчь* (насмешка, злость) Ювенала. Между тем именно у Горация в первой книге его «Посланий», (19, стихи 17–20) мы находим эксплицированную поэтическую рефлексия *желчи* и *смеха*:

Ó imitátorés, servúm pecus, út mihi sáepe
Bílem, sáepe jocúm vestrí movére tumúltus
[Quinti Horatii Flacci, 1891, p. 319].

О подражатели, скот раболепный, как суетность ваша
Часто тревожила жёлчь мне и часто мой смех возбуждала!
(пер. Н. С. Гинцбурга) [Гораций, 1936, с. 319.]

В 9-й «Сатире» Горация смех автора вытеснен желчью, которую выделяет печень: «Male salsus / Ridens dissimulare: meum jecur urere bilis» [Quinti Horatii Flacci, 1825, p. 893] («Злой шутник, смеясь, притворяется: печень моя желчью томится». – Пер. наш. – В. М.). Здесь прямой и переносный смысл слова сталкиваются в пределах одного контекста: смех и притворство собеседника вызывают раздражение и злость нарратора, его печень выделяет желчь, таким образом, физиология автора и его эмоции взаимообусловлены.

Тем не менее русский критик Н. Надеждин, выражая тем самым давно установившееся мнение, интерпретировал сатиры Горация как произведения флегматика или меланхолика, в которых выразилась физиология их создателя: в них, по его мнению, «не было ни слишком кипучей желчи, ни слишком горячей крови. Натуга уделила ему довольно терпения для того, чтобы щадить человеческую природу в самых отвратительнейших ее искажениях; и довольно степенности для того, чтобы сохранять меру, предписываемую благоразумием, в самые соблазнительные минуты сладчайшего упоения» [Надеждин, 1830, с. 259].

Представлениям о «желчи» сатир Ювенала дал повод сам автор. В первой сатире, выполнившей роль авторского метатекста или, если угодно, поэтического манифеста, он, противопоставляя свою поэзию тогдашнему мифологическому «постмодернизму» большинства современников, заявляет:

Quid referam quanta siccum iecur ardeat ira,
cum populum gregibus comitum premit hic spoliator
pupilli prostantis et hic damnatus inani
iudicio? quid enim saluis infamia nummis?
exul ab octava Marius bibit et fruitur dis
iratis, at tu uictrix, prouincia, ploras.
haec ego non credam Venusina digna lucerna?
haec ego non agitem? sed quid magis? ¹

Ясно, каким *раздраженьем* пылает *иссохшая печень*,
Ежели давит народ толпой провожатых грабитель
Мальчика, им развращенного, то осужденный бесплодным
Постановленьем суда: что такое бесчестье – при деньгах?
Изгнанный Марий, богов прогневив, уже пьет спозаранку:
Он веселится – и стоном провинция правит победу.
Это ли мне не считать везузинской лампы достойным.
Этим ли мне не заняться? А что еще более важно?
(пер. Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского [Ювенал, 1965])

Нас здесь интересует, конечно, первая строчка, с которой и начинается развернутое авторское кредо Ювенала-сатирика. Ко вполне точному переводу следует добавить, что *quid referam* – ‘стоит ли мне рассказать’; *siccum* – ‘сухой’; *iecur* – ‘печень’; *ardeat* – ‘горит, пылает’; *ira* – ‘гнев, раздражение’. Другая метафора

¹ *Juvenalis J. Saturae I // Juvenalis J. Saturae. URL: <http://www.readme.it/libri/2/2019012.shtml>*

из этой строчки («пылает») обусловила восприятие Ювенала как основоположника не только «желчной», но и «пламенной сатиры», сатиры сильных аффектов.

Итак, первоначально печень автора, а не желчь становится источником его сатирической злости. Но остальное «додумывали» уже современники и потомки, воспитанные на теории «гуморов» организма. Печень усиленно вырабатывает желчь, истечение которой становится метафорой раздражительности пишущего поэта-сатирика.

На самом же деле, у Ювенала именно экспликации самой желчи как метафоры авторской злости нет, поэтому современные исследователи, описывающие генеалогию жанров и эмоций в римской сатире, переносят на автора позицию его рассказчиков, например Одиссея в 15-й сатире: «Juvenal draws an analogy between himself and Odysseus, relating tales of man-eating monsters at the Phaeacian court. The storytelling hero, the satirist concedes, met with «bile or laughter» («bilem aut risum», 15) – комментируется строчка «attonito cum / tale super cenam facinus narraret Vlixes / Alcinoos, bilem aut risum fortasse quibusdam / mouerat ut mendax aretalogus» [Juvenalis, 1851, p. 160] («Когда о подобном / Деле Улисс рассказал опешившему Алкиною / После обеда, он, может быть, вызвал и гнев и насмешку, / Как пустомеля и враль». – Пер. Ф. Петровского²), «and one bystander even threatened to toss him back into the sea for his lies» [Keane, 2006, p. 47].

В другом контексте, (5-я сатира), носителем эмоции, смешивающей злость со слезами, становится только персонаж, Требий, объект издевательств богача: «...ergo omnia fiunt, / si nescis, ut per lacrimas effundere bilem / cogaris pressoque diu stridere molari» [Juvenalis, 1851 p. 44] («...все это / Делает, знай, он затем, чтобы желчь ты излил через слезы, / Чтоб ты зубами подольше скрипел». – Пер. Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского [Ювенал, 1965]).

Однако представления о «Ювеналовой желчи», своего рода синекдохе «желчи сатиры» вообще, стали одним из «общих мест» европейской словесности риторического периода. Так, оценивая роль сатир М. Дмитриева в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», вошедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), Н. В. Гоголь приписывает ему «желчь Ювенала» как одно из клише положительной оценки сатирика: «...и талантливые пародии Михаила Дмитриева, где желчь Ювенала соединилась с каким-то особенным славянским добродушием» [Гоголь, 1990, с. 245]. Эта оценка, конечно, не вполне соответствует поэтике конкретных пародий, которые дошли до нас, использование стереотипа можно объяснить его высокой распространенностью в оценках русской литературной критики.

Нет сомнений, что на пути от римской сатиры к европейской литературе Нового времени в создании репутации Ювенала принимали участие и крайне авторитетные посредники. Наиболее важна была оценка Н. Буало в его 7-й «Сатире»: «Ou bien quand Juvénal, de sa mordante plume / Faisant couler des flots de fiel et d'amertume, / Gourmandait en courroux tout le peuple latin» [Boileau-Despréaux, 1814, p. 45] («Когда же Ювенал своим язвительным пером / вызывал потоки желчи и горечи». – Пер. наш. – В. М.). В своей «Поэтике» он определяет стихотворные комедии Менандра как жанр без «яда и желчи»: «Sans fiel et sans venin sut instruire et reprendre, / Et plut innocemment dans les vers de Ménandre» [Les quatres poétiques, 1771, p. 53] («Тут стал учить Менандр, питомец вечной славы, / В комедиях своих без желчи и отравы». – Пер. Г. С. Пиралова [Буало, 1937]).

В отличие от римских поэтов-сатириков, Буало несколько раз прокомментировал «желчную» эмоциональную и стилевую тональность своих сатир в мета-

² Ювенал Ю. Д. Книга V. Сатира XV // Ювенал Ю. Д. Сатиры / Пер. Д. С. Недовича, Ф. А. Петровского. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/juvenal/juvenal15.html> (дата обращения 10.10.2015).

текстовых фрагментах стихотворений. В «Discours au roi» (1665) он сравнивает себя с пчелой, собирающей вместо меда желчь: «Comme on voit au printemps la diligente abeille / Qui de butin des fleurs va composer son miel / Des sottises du temps je compose mon fiel: / Je me vais a toutes parts ou me guide ma veine» [Boileau, 1772, p. 180] («Как весной прилежная пчела / Которая из цветов собирает свой мед, / Так и я из глупостей моего времени слагаю свою желчь: / Я иду туда, куда ведет меня поэтическое вдохновение». – Пер. наш. – В. М.). В 5-й сатире это муза поэта: «...ma Muse en fureur / Verse dans ses discours trop de fiel et d'aigreur» [Boileau, 1772, p. 93] («Моя Муза в ярости / Льет в свои речи слишком много желчи и горечи». – Пер. наш. – В. М.).

Наиболее употребительным в литературе французского классицизма в метафорическом смысле сначала стало существительное *fiel*, образованное от латинского *fel, fellis*. Вокруг него сформировались идиоматические смыслы, связанные с письменным и устным дискурсом: «Plume trempée dans le fiel, manière d'écrire pleine d'amertume et de méchanceté. On dit dans un sens analogue: langue trempée dans le fiel»³ («Перо, которое обмакнули в желчь, о манере письма, полного горечи и злости. В том же смысле говорят: язык, который обмакнули в желчь». – Пер. наш. – В. М.). В трактатах же французских философов и физиологов конца XVIII в. для обозначения процессов в организме человека будет активно употребляться существительное *bile* и прилагательное *bilieux*, круг значений которого в итоге станет существенно шире, чем *fiel*.

Наиболее цитируемой книгой, типологизирующей общность сложения, физиологии и функционирования эмоциональной и интеллектуальной сфер человека на основе античного учения о четырех типах темперамента, стал труд медика и философа Пьера Кабаниса, ученика Кондильяка «Rapports du physique et du moral de l'homme» (1802) и труды, в той или иной степени подтверждающие его наблюдения (см., например: [Mauricet, 1822, p. 19–21]). Именно эти два темперамента, желчный и меланхолический, связанные с преобладанием особой разновидности желчи, вызывали со времен античности интерес философов, которые видели в этих «гуморах» наиболее «отклоняющиеся» от ординарного типы поведения – выдающихся исторических деятелей (холериков) и углубленных в себя творцов/мыслителей (меланхоликов). Сангвиники и флегматики воспринимались как типы наиболее «здоровые», которые принадлежат к большинству человечества, его «середине». Естественно, что в эпоху романтизма с его склонностью к исключительному, незаурядному, необычному, этот интерес к «людям желчи» еще более обострился.

К середине XIX в. представления философов-материалистов, настаивавших на физиологической обусловленности духовно-эмоциональных процессов, уже как бы подтверждали сложившееся в XVII–XVIII вв. во Франции солидарное мнение о различии римских поэтов-сатириков. К традиционной желчи Ювенала век позитивизма и материализма добавлял еще и «плохое пищеварение» римского поэта: «Vavassor trouve qu'Horace s'insinue doucement dans les esprits et les instruit en riant, que Perse, avec un ton sardonique, veut prêcher la philosophie, et que Juvénal, comme un homme *bilieux* et qui fait mauvaise digestion, s'indigne de tout» [Bergeron, 1851, p. 337] («Вавассор (Francis Vavassor, авторитетный французский ученый-иезуит XVII в. – В. М.) считает, что Гораций нежно проникает в души, учит их, смеясь, что Персий проповедует в сардоническом духе философию, и что Ювенал, как человек желчный и с плохим пищеварением, возмущается всем». – Пер. наш. – В. М.). Таким образом, за *bile* в языке литературной критики будет закреплена «физиология литературы», где разность сатирического дискурса порождается ли-

³ Le Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960). URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/diatribe> (дата обращения 10.10.2015).

бо изначальной разностью организмов поэтов, либо их различным функциональным состоянием, связанным с расстройствами печени, желчного пузыря и пищеварительной системы в целом, а за *fiel* – метафорические смыслы широкого поля «негативной оценки» (злость, раздражение, гнев) и «злоречия».

Для русской же литературы и литературной критики разность коннотаций этих двух слов не была существенна, поскольку похожий феномен обозначался одним словом. Однако в эпоху влияния европейского романтизма на русский у «желчи», как метафоры, обозначающей поэтический аффект, появился еще один сильный конкурент из сферы психосоматики – состояние «сплина». В первой главе «Онегина» Пушкин попытался найти ему русский эквивалент, выделяя модный англицизм курсивом:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу
[Пушкин, 1986, с. 200].

Так неприступны для мужчин
Что вид их уж рождает *сплин*
[Там же, с. 201].

Между двумя контекстами сплина героя и повествователя (строфы XXXVIII и XLII) вполне естественна аллюзия на его литературный источник:

Но к жизни вовсе охладел.
Как *Child-Harold*, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он
[Там же, с. 200–201].

Английское и «байроническое» происхождение слова все же требует некоторого комментария. Слово было заимствовано из древнегреческого *σπλήν* (*splen*), оно стало в английском языке идиоматическим обозначением не столько самой селезенки, сколько сердца: *to be good-spleened* (εὖσπλαγχνος, *eúsplanchnos*) означало *to be good-hearted or compassionate*. Оно прочно укоренилось в XVIII в. как характеристика ипохондрических или истерических аффектов. Английское название селезенки дало название ипохондрии, сплина и связанных с этим заболеванием причуд: «**spleen** 1: анат. селезенка; 2: злоба; раздражение; *to vent one's spleen upon smb.* сорвать злобу на ком-л.; 3: уст. сплин, хандра» [Мюллер, 2007, с. 1192].

Spleen как обозначение не селезенки, а эмоционального состояния, встречается уже у Шекспира. Однако только Matthew Green (1696–1737), автор поэмы «The Spleen», наиболее выразительно раскрыл его возможности. Выше мы уже писали, что связь между селезенкой как органом и меланхолией или раздражением, которые она вызывает, восходит к древнегреческому учению о гуморах, в котором «черная желчь» вырабатывается именно селезенкой. Так метонимическое значение слова (селезенка – аффекты, вызываемые ей) стало обозначать эмоциональное состояние. «Сплин» успешно соперничал в русской словесности в период романтизма с романско-французской «желчью».

Для европейской литературы сплин стал по-настоящему влиятельным только после того, как было вынесен в заглавия циклов стихотворений и прозы Ш. Бодлера «*Spleen et Idéal*» (1857), «*Le Spleen de Paris*» (1869). Несмотря на это, уже

в «литературном портрете» Байрона для современников, а затем и потомков значим именно *spleen*. Например, как в вышедшей сразу после его смерти биографии: «his irritable spleen at every cross of his humour» [Brydges, 1825, p. 67], «...and hence many of his effusions of spleen» [Ibid., p. 33], «Gloom, spleen, misanthropy...» [Ibid., p. 51], «Misanthropy, spleen, and bitterness...» [Ibid., p. 63]. *Spleen* стал визитной карточкой Байрона далеко за пределами англоязычной культуры.

Между тем собственно мотив сплина встречается у Байрона начиная с самых ранних стихов («Weary of love, of life, devoured with spleen...» [Byron, 1839, p. 7]), однако его никак не отнесешь к распространенным в его текстах. Сам Байрон употреблял это слово только в негативном смысле. Возможно, как это произошло и с «желчью Ювенала», все дело в метатекстуальной значимости мотива, вынесенного поэтом в свой вариант «Ars poetica» – «Hints from Horace» – как эмоциональной установки сатиры и английской сатиры: «Satiric rhyme first sprang from selfish spleen. / doubt – see Dryden, Pope, St. Patrick's Dean» [Ibid., p. 26] («Исток сатирической поэзии – эгоистичный сплин. / Вы сомневаетесь – прочтите Драйдена, Попа, декана собора С. Патрика». – Пер. наш; в концовке имеется в виду Д. Свифт. – В. М.).

Однако и для сатирического модуса традиция психофизиологической метафоры желчи для Байрона была ошутимее. Во 2-й песне (строфа CCXV) сатирической поэмы «Дон-Жуан» (1819) Байрон создает развернутый поэтический образ печени, которая являетсяместилищем страстей и пороков:

The liver is the lazaret of bile,
But very rarely executes its function,
For the first passion stays there such a while,
That all the rest creep in and form a junction,
Like knots of vipers on a dunghill's soil
Rage, fear, hate, jealousy, revenge, compunction
So that all mischiefs spring up from this entrail,
Like Earthquakes from the hidden fire called «central».

А печень – нашей желчи карантин,
Но функции прескверно выполняет:
В ней первая же страсть, как властелин,
Такую тьму пороков вызывает,
В ней злоба, зависть, мстительность и сплин
Змеиные клубки свои свивают,
Как из глубин вулкана, сотни бед
Из недр ее рождаются на свет
(пер. Т. Гнедич) [Байрон, 1964, с. 292].

Изображение печени как центра чувственной и нравственной порочности восходит еще к Платону. Из «Писем» Байрона, датированных 1819 г., становится ясно, что это не просто отчужденная от конкретного автора поэтическая риторика – созданию 2-й песни сопутствовали длительная диспепсия, тошнота, боли в желудке (см. об этом [Shears, 2013]).

Но если источником сатиры и большей части пороков, которые она обличает, была печень, а селезенка, в конечном счете, породила состояние «сплина», то с самой «черной желчью», или меланхолией, дело обстояло гораздо сложнее. Меланхолия, или «черножелчие», – одно из важнейших эмоциональных и ментальных состояний автора и героя в эпохи сентиментализма и романтизма. Это очевидно и для самих участников литературного процесса (см. [Жуковский, 1856; Надеждин, 1829]), и для современных историков литературы (см. [Садовников, 2009;

Pfau, 2005]). Именно меланхолия как аффект в культуре Нового времени потеряла связь с телом, перестав восприниматься заодно и как душевная патология. Источник меланхолии был вынесен вовне не только тела, но, в конечном счете, даже и души, сама же она, в отличие от желчи, предстает в поэзии и эссеистике переживанием, которое не связано так жестко с каким-либо литературным модусом.

Уже в XVIII в. клише «желчь» как «желчь сатиры» стало характеристикой преобладающей тональности сатирического дискурса в русской критике. Так, В. К. Тредиаковский в своем компилятивном «Рассуждении о комедии вообще...» (1764) повторяет это общее место европейской поэтики, явно осуждая крайности подобной демократической сатиры: «Никто не обойден в городе толь вольном или, лучше, толь самовольном, каков был тогда Афины. Полководцы, градоначальники, правление, сами боги – все было предано сатирической желчи пиитов, да и все то было угодно, только б комедия была увеселительна и приправлена солию, то есть вкусом аттическим» (цит. по: [Берков, 1936, с. 53]).

Сема «желчный» к середине XIX в. содержалась в русских словарных определениях сатирических жанров, например диатрибы: «Диатриба греч. *diatribe*, от *diatribo*, раздавить, разрушить. Желчная критика» [Михельсон, 1865, с. 254]; «Диатриба – едкая, желчная критика, длинное разглагольствование» [Михельсон, 1903, с. 283]; «Диатриба ж. греч. желчная критика, основанная на личностях» [Даль, 1912, с. 1091]; «Диатриба греч. *diatribe*, от *diatribo* раздавить, разрушить). Резкая желчная критика» [Чудинов, 1894, с. 308]. Таким образом, на первый план вышла как бы «физиология» жанра, его гневная, обличительная, злая, язвительная тональность – «желчная». В русской литературе диатрибы произносит и «желчный» больной герой в буквальном, физиологическом смысле этого слова. Его речевая стратегия тоже основана на «желчи», включающей в себя, как и другие метафорические смыслы, разные оттенки обличения, насмешки, злости, резкости. Жанровые установки диатрибы в европейской литературе Нового времени совпадают с теми, которые были обозначены в русских словарях: «Écrit ou discours dans lequel on attaque, sur un ton violent et souvent injurieux, quelqu'un ou quelque chose; critique violente»⁴; «A forceful and bitter verbal attack against someone or something; a long and angry speech or piece of writing attacking and criticizing somebody/something»⁵.

Как известно, диатриба как один из жанров, образующих «мениппею», привлекла внимание М. М. Бахтина. Он проигнорировал актуальное назначение жанра, стремясь выявить те его черты, которые восходили к диатрибе кинической литературы. Тем не менее в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского Бахтин отмечает и черты диатрибы Нового времени – сатирической, обличительной, «злой»: «Характерно нарастание отрицательного тона (назло другому) под влиянием предвосхищенной чужой реакции...» [Бахтин, 1972, с. 266]. В начале монолога антигероя Достоевского на первый план выдвинуты параллелизм необъяснимой злости и болей в печени: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня *болит печень*. <...> Нет-с, я не хочу лечиться со *злости*. Вот этого, наверно, не изволите понимать. Ну-с, а я понимаю. Я, разумеется, не сумею вам объяснить, кому именно я насолю в этом случае моей *злостью*; я отлично хорошо знаю, что и докторам я никак не смогу “нагадить” тем, что у них не лечусь; я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе поврежу и никому больше. Но все-таки, если я не лечусь, так это *со злости*. *Печенка болит*, так вот пускай же ее еще крепче болит!» [Достоевский, 1989, с. 452–453]. Далее самопрезентация героя будет

⁴ Le Trésor de la langue française.

⁵ Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/diatribe> (дата обращения 10.10.2015).

включать в себя постоянную фиксацию «желчного» эмоционального состояния: «Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту *самой сильнейшей желчи*, постыдно сознавал в себе, *что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек...*» [Там же, с. 453]; «Я такому человеку *до крайней желчи* завидую. <...> Я хоть и сказал, что завидую нормальному человеку *до последней желчи...*» [Там же, с. 479]; «То есть я там вовсе не гулял, а испытывал бесчисленные мучения, унижения и *разлития желчи*» [Там же, с. 489]; «Тоска и *желчь* снова накалились и искали исхода» [Там же, с. 517].

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), в творчестве Достоевского непосредственно предшествовавших «Запискам из подполья» (1864), рассказчиком была найдена телесная мотивировка наррации будущего героя-парадоксалиста – недовольство Германий объясняется функциональным состоянием его печени: «А отчего произошла пагубная ошибка моя? *Решительно от того, что я, больной человек, страдающий печенью*, двое суток скакал по чугунке сквозь дождь и туман до Берлина и, приехав в него, не выспавшись, *желтый*, усталый, изломанный, вдруг с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург. <...> Через два часа мне все объяснилось: воротясь в свой номер в гостинице и *высунув свой язык перед зеркалом*, я убедился, что мое суждение о дрезденских дамах похоже на самую *черную клевету*. Язык мой был *желтый, злокачественный...* “И неужели, неужели человек, сей царь природы, до такой степени весь зависит от *собственной своей печенки*, – подумал я, – что за низость!” С этими утешительными мыслями я отправился в Кельн» [Там же, с. 389–390]. Стратегия типичного «физиологического» очерка в травелоге Достоевского была осложнена еще и специфической «психофизиологией» рассказчика.

Не касаясь проблемы отношений конкретного автора и его героев, отметим, что первые психологические и психофизиологические мотивировки речевого поведения антигероев своего времени Достоевский увидел в замечательной статье Герцена «Лишние люди и желчевики» (1860), направленной против Н. Добролюбова и его окружения: «Все они были *ипохондрики и физически больные*, не пили вина и боялись открытых окон, все с изученным отчаянием смотрели на настоящее и напоминали монахов, которые из любви к ближним доходили до ненависти ко всему человеческому и проклинали все на свете из желания что-нибудь благословить» [Герцен, 1958, с. 323]; «Это не лишние, не праздные люди, это люди *озлобленные* (разрядка А. И. Герцена. – В. М.), *больные душой и телом*, люди, зачахнувшие от вынесенных оскорблений, глядящие исподлобья и *которые не могут отделаться желчи и отравы*, набранной ими больше чем за пять лет тому назад» [Там же, с. 322]. Позже Достоевский еще более усилил телесные мотивировки злости подобных персонажей, распространив их на наиболее озлобленных и демонических героев – желчного и больного Раскольникова, «наставников» из «Бесов». Эту же тему подхватили Тургенев в «Нови» (1877) и «Дураке» (1878), Гончаров в «Обрыве» (1869) и т. д.

Однако «желчевики» не были первыми «желчными» героями русской литературы. Их литературная генеалогия на самом деле начинается с тех, кого принято относить к «лишним людям»: Чацкого, Онегина, Печорина, Адуева, Андрея Болконского, Павла Петровича Кирсанова и др. Объем нашей статьи позволяет привести только самые выразительные примеры: «Заметно, что вы желчь на всех излить готовы» [Грибоедов, 2011, с. 93]; «И на весь мир излить всю желчь и всю досаду» [Там же, с. 114]; «Сперва Онегина язык / Меня смущал; но я привык / К его язвительному спору, / И к шутке, с желчью пополам, / И злости мрачных эпиграмм» [Пушкин, 1986, с. 203]; «Желчь моя взволновалась. Я начал шутя – и кончил искренней злостью» [Лермонтов, 1990, с. 542]; «– C’est un sujet

nerveux et bilieux, – сказал Ларрей, – il n'en rechappera pas» (Это человек нервный и желчный, он не выздоровеет – об Андрее Болконском. – В. М.) [Толстой, 1971, с. 368].

Мотивировка «желчи» как эстетического аффекта связана с сатирической установкой повествования в отдельных фрагментах текста или с творчеством в целом. Обычно она раскрывается в авторских метатекстах разного типа или в литературно-критических оценках: «Я на досуге пишу новую поэму “Евгений Онегин”, где захлебываюсь желчью. Две песни уже готовы» [Пушкин, 1937, с. 80] (ср. автокомментарий П. А. Вяземского по поводу обстоятельств создания сатиры «Сибирякову» (1819): «...Меня рвет желчью стихотворной. <...> Я писал горячо» (цит. по: [Вяземский, 1958, с. 440])); «Блажен незлобивый поэт, / В ком мало желчи, много чувства» [Некрасов, 1981, с. 183]; «Ведь одной поэзии желчи, негодования и скорби слишком мало для души человека. Но теоретики решительно сумели уверить своих последователей, что это одно только и нужно» [Григорьев, 1990, с. 298]; «Неужто всегда истинная поэзия? и разве не бывает таких эпох, когда желчь заменяет чувство и “современники” готовят памятники не поэтам, а желчным стихотворцам при жизни их?» [Дудышкин, 2003, с. 128]; «...ясно, что расстроенная печень Писемского будет портить каждое новое произведение этого сильного таланта и превращать каждый новый роман его в “Взбаламученное море” авторской желчи»⁶.

Итак, желчь в художественной словесности не столько «телесный» мотив, сколько метафора ментальных и эмоциональных состояний героя, нарратора и автора. Взаимообусловленность телесного и эмоционального планов героя позволяет утверждать о значимости «желчи» для речевого поведения и телесности персонажа в русской литературе начала – середины XIX в. Типологически он близок европейскому персонажу «меланхолии» и «сплина». Кроме того, в европейской и русской литературах желчь стала синекдохическим обозначением всего сатирического модуса и вошла, на правах эмоциональной тональности, в набор жанровых установок диатрибы.

Список литературы

- Байрон Дж.* Дон-Жуан / Пер. Т. Гнедич; вступ. ст. и коммент. Н. Дьяконовой. М.; Л.: Худож. лит., 1964. 622 с.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936.
- Буало Н.* Поэтическое искусство / Пер. С. С. Нестеревой, Г. С. Пиралова; под ред. А. А. Шегнели; Вступ. ст. Д. И. Грачева; примеч. Г. С. Пиралова. М.: Гослитиздат, 1937. 101 с.
- Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1958.
- Герцен А. И.* Лишние люди и желчевики // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 14: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов. М., 1958. С. 317–328.
- Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990.
- Гораций.* Полное собрание сочинений / Пер. под ред. и с примеч. Ф. А. Петровского; Вступ. ст. Б. Л. Каплинского. М.; Л.: Academia, 1936. 472 с.
- Грибоедов А.* Горе от ума. Пьесы. Стихотворения. М., 2011.
- Григорьев Ап.* Стихотворения Н. Некрасова // Григорьев Ап. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.

⁶ Писарев Д. И. «Цветы невинного юмора». URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/pisarev-cvety-nevinного-yumora.html> (дата обращения 10.10.2015).

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1912. Т. 1: А–З.
- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1986.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 15 т. Л.: 1988–1996. Т. 4. Л., 1989.
- Дудышкин С. С.* Стихотворения Н. Некрасова (Издание второе. С.-Петербург. 1861 г. Два тома) // Критика 60-х гг. XIX в. М., 2003. С. 124–156.
- Жуковский В. А.* О меланхолии в жизни и в поэзии // Русская беседа. 1856. Кн. 1. С. 13–27.
- Лермонтов М.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Михельсон А. Д.* Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. СПб., 1865.
- Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 1. СПб., 1903.
- Мюллер В. К.* Англо-русский словарь. Екатеринбург, 2007.
- Надеждин Н. И.* Сонмище нигилистов // Вестник Европы. 1829. № 1, 2.
- Надеждин Н. И.* Опыт перевода «Горациевых Од» В. Орлова // Московский вестник. 1830. Ч. 4. С. 254–294.
- Некрасов Н. А.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 1: Стихотворения. Л.: Наука, 1981.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 13: Переписка, 1815–1827. М.; Л., 1937.
- Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. М., 1986.
- Садовников А. Г.* Концепция меланхолии в художественной системе сентиментализма и творчестве В. А. Жуковского: Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.
- Толстой Л. Н.* Война и мир. Т. 1–2. М., 1971.
- Чудинов А. Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894.
- Ювенал.* Сатиры // Хрестоматия по античной литературе: В 2 т. Т. 2: Римская литература. М.: Просвещение, 1965. URL: http://lib.ru/POEEAST/UVENAL/uvenal1_1.txt (дата обращения 10.10.2015).
- Bergeron P.* Histoire de la littérature romaine. Paris, 1851.
- Boileau, 1772 – Oeuvres de Nicolas Boileau Despréaux. Avec des éclaircissemens historiques.* T. 1. Paris, MDCCLXXII.
- Boileau-Despréaux M., de.* Oeuvres de M. Boileau Despréaux, à l'usage des collèges. Lyon, 1814.
- Brydges E.* An Impartial Portrait of Lord Byron, as a poet and a man. Paris, 1825.
- Byron G.* Complete Works of Lord Byron, Including the Suppressed Poems. Paris, 1839.
- Iuvenalis, 1851 – D. I. Iuvenalis Saturarum libri V.* Berolini, 1851.
- Keane C.* Figuring Genre in Roman Satire. Oxford, 2006.
- Les quatres poétiques: d'Aristote, d'Horace, de Vida, de Despréaux.* Paris, MDCCLXXI (1771).
- Mauricet J. J.* Réflexions sur les tempéramens bilieux et mélancolique. Paris, 1822.
- Pfau Th.* Romantic Moods: Paranoia, Trauma, and Melancholy, 1790–1840. Baltimore: J. Hopkins Univ. Press, 2005.
- Quinti Horatii Flacci Opera omnia.* Vol. 2. Londini, 1825.
- Quinti Horatii Flacci Opera Omnia: The Satires, Epistles and de Arte Poetica.* Clarendon Press, 1891.
- Shears J.* Digesting «Don Juan» Cantos I and II // Aspects of Byron's Don Juan. Cambridge, 2013. P. 135–157.

V. V. Maroshi

**«Bilious men» and diatribe:
the genealogy of the character and genre in Russian Literature**

This article examines the origin of bile as somatic metaphor of the emotional state of character and of mode of satire in European and Russian literature. The bile in the artistic literature is not so much a «flesh» motif but a metaphor for emotional states of the hero, the narrator and the author. The interdependence of bodily and emotional aspects of the hero allows us to suggest the importance of «bile» for verbal behavior and physicality of the character in Russian literature of the early and mid XIX. Typologically it is close to the European character of «melancholy» and «spleen». In addition, in European and Russian literatures bile became the synecdochical designation of the entire satirical mode and entered, as the emotional tone, the set of diatribe genre units.

Keywords: satire, genre, diatribe, bile, temperament, bilious character.

DOI 10.17223/18137083/55/4